

эконому архіерейскаго дома іеромонаху Палладію; 3) снабдить обитель приходорасходными книгами и велѣть составить опись всему имуществу ея; 4) отнести къ Литовскому архіепископу о доставленіи послужныхъ списковъ духовныхъ возсоединенныхъ, а также свѣдѣній, не имѣется ли у него особыхъ правилъ для управленія обителью.

Получивъ увѣдомленіе о перечисленіи Уніатской обители въ вѣдомство Курской епархіи, настоятель ея Трокскій архимандритъ Венедиктъ Ленартовичъ представилъ въ Курскую духовную консисторію обширный «репортъ»... Въ началѣ репорта онъ, съ братією, выразилъ: «купно наше душевное желаніе: что мы обязуемся Его Преосвященству повиноваться и относиться съ надлежащимъ долгомъ къ его высокой особѣ и назначеннымъ лицамъ въ правленіи обители, въ томъ только, въ чемъ совѣсть наша безъ нарушенія догматовъ вѣры, исповѣдуемыхъ нами, дозволить». Затѣмъ Венедиктъ Ленартовичъ высказалъ свое несогласіе и несогласіе братіи временной обители на то, чтобы обитель эта именовалась назначенной «для возсоединенныхъ духовныхъ лицъ, бывшихъ уніатовъ». По его мнѣнію, когда въ 1839 году, по Высочайшему повелѣнію, устраивались обитель въ Курскѣ, то она предназначена была для уніатскихъ духовныхъ. «Ежели бы возсоединеніе, писалъ въ рапортѣ Венедиктъ Ленартовичъ, было нами учинено, какъ Преосвященный Іосифъ именуеть въ репортѣ своемъ Св. Синоду, представленномъ въ 1841 году, на это имѣло бы начальство собственныя наши подписки, особо составленныя къ сей цѣли, и онѣ были бы предъявлены высшему начальству съ подписками возсоединенныхъ лицъ, по совершеніи акта (возсоединенія), и тогда не послѣдовало бы Высочайшаго соизволенія на учрежденіе въ Курскѣ уніатской обители. Я и монашествующіе въ ней не были бы отрѣшены и вывезены, равно какъ и духовныя лица не были бы разлучены съ женами, дѣтьми и родными, оставшимися теперь безъ пропитанія, призрѣнія и собственнаго пріюта.

«При семъ Курской духовной консисторіи покорнѣйше имѣю честь я и отъ имени всей братіи Курской уніатской